

И.В.Матюшко

ЗАХОРОНЕНИЕ БАЛЬЗАМИРОВАННОГО ВОИНА XIII-XIV ВЕКОВ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ИРТЕКА¹

В 2002 г при раскопках II Шумаевского курганно-могильника, расположенного на левом берегу р.Иртек (правый приток р.Урал) (рис.1), отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством Н.Л.Моргуновой было исследовано уникальное погребение средневекового кочевника, останки которого пытались сохранить с помощью ртути.

Комплекс был опубликован в коллективной монографии (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.106-117). Целью данной статьи являются определение датировки и этнической принадлежности погребения, а также анализ погребального обряда и способа бальзамирования².

Погребение 5 было обнаружено в земляной насыпи кургана 7 ямной культуры. Курган был округлой в плане формы с современным диаметром 33 м. Высота курганной насыпи от уровня современной поверхности составляла 1,44 м с северной стороны и около 1,16 м – с южной. По стратиграфическим наблюдениям было установлено, что насыпь состояла из двух слоев. Первую насыпь, возведенную над ямным погребением, в северо-западной части прорезало средневековое погребение, над которым была сооружена вторая насыпь. Всего в кургане обнаружено пять погребений, два из которых относятся к бронзовому веку (ямное – погребение 3 и срубное – погребение 4), два к раннему железному веку (погребение 1 и 2) и одно средневековое (погребение 5) (рис.2, Б). Могильное пятно средневекового погребения на уровне материка, на глубине -170 см от нуля, имело овальные очертания размером 253x135 см. В заполнении восточной части ямы (на глубине -190 см от нуля) были выявлены черепа двух коней и кости передних ног одного из них, под которыми сохранилось деревянное перекрытие. Кости ног второго коня обнаружены в западной части ямы на глубине -210 см от нуля. Таким образом, части коней (возможно, шкуры с головами и ногами) были уложены на перекрытии головами на

СВВ (рис. 3, А). Перекрытие изготовлено из тонких деревянных плашек, укрепленных поперек погребения.

По данным остеологического анализа передние и задние конечности двух коней были отчленены в локтевых и коленных суставах. Один жеребец был среднего роста (136-144 см), тонконогий “верховой”, а второй – выше среднего роста, средноногий (Рослякова Н.В., 2003, с.299). Важно отметить, что кости позвоночника одного из этих коней обнаружены на кольчуге, лежащей в нише-подбое в восточной части погребения, а одна путовая кость коня была внутри железного котла, находившегося ниже в захоронении. В пасти коней были вложены двусоставные кольчатые удила. На черепе “верхового” коня был зафиксирован железный султан. На копытах коней были обнаружены серебряные накладки плохой сохранности, представляющие собой тонкие листы серебряной фольги, обшитые по краю кожаной тесьмой. Накладки по форме повторяли контуры копыт коней. Возле костей ног второго коня было обнаружено два стремени, а между костями его ног и черепом располагалось деревянное седло. Здесь же, на перекрытии, находились два деревянных дротика с железными наконечниками, а у храпа черепа коня № 2 – железный подквадратной формы кетмень.

Под перекрытием вдоль северной стенки ямы была обнаружена ступенька, которая состояла из двух частей: восточной и западной с разницей в глубине 20 см, но, так как в центре ступенька была перерыта норами грызунов, то, возможно, она была сплошной. Нижняя ступенька переходила в дно ниши в восточной стенке ямы. Глубина ниши – 40 см, высота – 40-45 см. В ней на плоском дне, на глубине -235 см от нуля, лежала сложенная кольчуга. На кольчуге (как указывалось выше) были зафиксированы в сочленении кости позвоночника (крестец) одного из коней. Ниже ступеньки, вдоль южной стенки выявилось заполнение погребальной камеры. Пятно имело прямоугольную форму размерами

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-81101.

² Выражаю глубокую признательность за помощь в подготовке данной работы С.А.Плетневой, И.Л.Кызласовой и всем сотрудникам Отдела средневековой археологии Института археологии РАН, а также Н.Л.Моргуновой, К.Ф.Филипову, Л.К.Крюковой, Е.А.Крюковой, М.Г.Крамаровскому.

240x85 см. Дно было зафиксировано на глубине -255 см от нуля. Таким образом, погребение было совершено в яме сложной конструкции: с перекрытием, со ступенькой вдоль длинной северной стенки и с подбоем, а также небольшой нишей, устроенной в восточной части погребения за головой погребенного. На дне ямы на деревянных носилках вытянуто на спине головой на восток лежал погребенный (рис.4). Носилки были изготовлены из тополя³. Сверху они, возможно, были выстланы шелковой тканью (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.223). Длина носилок – 215 см, ширина – 50-60 см, высота бортика – 10 см. Западная часть носилок была перекрыта обмазкой из алебаstra толщиной 1-2 см. Под этой обмазкой находились левая голень и ступни погребенного. Кости ног и таза были покрыты обмазкой красного цвета толщиной около 1 мм. Обмазка состояла из глины и шерстяной ткани, пропитанной красноватым минеральным веществом, она плотно прилегала к костям, что дало основание предполагать освобождение костей от мягких тканей. Поверх шерстяной обмотки тело было обернуто тонкой древесной корой, нарезанной лентами (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.112, 223).

Немного выше коленей бедренные кости были крепко связаны плотно прилегающей повязкой. Повязка состояла из толстой кожи, к которой были прикреплены четыре круглые бронзовые бляхи. Поверх блях – несколько слоев шелковой ткани с зеленым узором. Между слоями шелка проложен тонкий лист серебряной фольги. Повязка была закреплена вокруг костей (рис. 6, 9). На голених, ближе к ступням, находились кожаные накладки. Они состояли из двух кусков кожи, которые скреплялись швами вверху и внизу, оборачивая берцовые кости. Поверх накладок закреплены круглые бронзовые бляхи, обшитые белой тканью простого плетения (рис.6, 10, 11). Еще одна кожаная накладка с тканью и такими же бляхами оборачивала фаланги левой ступни погребенного. Все кости левой ступни находились под алебастровой обмазкой.

Важно отметить, что кожаные накладки и повязка на ногах погребенного не являлись остатками одежды. Они были специально сшиты для скрепления костей в районе коленей и голених.

Грудная клетка погребенного была обмотана шелковой тканью в несколько слоев, а затем накрыта тканью полотняного плетения. Шелковые ткани представляли собой ленты. Между шелковыми лентами была обнаружена пластина из тонкой

серебряной фольги прямоугольной формы размером 11x30 см и часть серебряного предмета, представляющая собой розетку с поддоном, возможно, часть кубка или подсвечника.

Шелковые ленты переходили от плеч к голове погребенного. Под подбородком находился грубый узел, который фиксировал обмотку головы и груди. Голова была обмотана не только несколькими слоями шелковой ткани, но и шерстяной тканью, тонкими лентами древесной коры и затем обмазана глиной (рис.8, 1). Глазные отверстия, рот были также покрыты обмазкой. Поверх обмазки на лицевой части черепа была зафиксирована льняная ткань белого цвета. Фрагменты этой ткани обнаружены также на носилках, в районе расположения черепа. Вероятно, вся голова была обмотана еще и льняной тканью.

Рентгеновские снимки головы погребенного показали, что на черепе нет каких-либо отверстий, через которые могли извлечь мозг, наоборот, внутри черепной коробки, в височной части просвечивается сгусток-затемнение, вероятно, являющийся высохшим остатком головного мозга. Также на снимках была обнаружена зажатая между зубами бронзовая пластина – обол? В районе челюсти зафиксирована высохшая мягкая ткань ротовой полости (верхнее и нижнее небо).

Важно отметить, что, несмотря на тщательную обмотку головы несколькими слоями шелка и обмазку глиной, нет прорези для глазниц, щеки и рот не выделены, т.е. отсутствует идея сохранения портретного сходства, заложенная в обряде моделирования головы (Смирнов Ю.А., 1997, с.191).

Под позвоночным столбом в углублениях от позвоночных дисков была обнаружена ртуть. Как показала медицинская экспертиза останков погребенного, проведенная кандидатом медицинских наук патологоанатомом ОГМА К.Ф.Филипповым, ртуть находилась и в глиняной обмазке, которая была нанесена непосредственно на кости рук и ног, освобожденные от мягких тканей.

Таким образом, обмотка головы и обмазка раствором глины с ртутью, а также снятие мягких тканей с ног и рук погребенного и обмазывание их глиной с ртутью являются свидетельствами процесса бальзамирования тела кочевника.

По антропологическим данным в погребении был захоронен мужчина типично монголоидной расы центральноазиатского типа в возрасте 40 лет (определение Л.Т.Яблонского).

Погребение выделяется также богатством и разнообразием сопровождающего инвентаря.

³ Здесь и далее все определения органических остатков даны на основе результатов биоморфного анализа, проведенного А.А.Гольевой. Эти результаты были опубликованы в коллективной монографии: Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.222-225, 235.



Рис. 1. Карта-схема местонахождения Шумаевского II курганного могильника.

1 – Шумаевский II курганный могильник

Fig. 1. A map-scheme of Shumaievskii II barrow burial ground location. 1 – Shumaievskii II barrow burial ground

Комплекс конского снаряжения (стремена, удила, лука седла, султан). Все предметы конского снаряжения располагались вместе с частями коней на перекрытии (рис.3, А).

Две пары удили находились в зубах у лошадей. Удила кольчатые, двусоставные. Диаметр колец около 4 см, в сечении круглые, стержни грызель в сечении подовальные. Длина грызель – 8 см и 7,2 см. Одно подвижное кольцо имеет плоский отросток прямоугольной формы, возможно, окисел или рудимент лопасти псаля (рис.3, Б, 2). Такие удила были широко распространены у кочевников степей Евразии в XI-XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.20).

Два стремени арочной формы с узкой плоской подножкой. Верхняя часть дужки расплющена, и в ней сделана прорезь для путалища (рис.3, Б, 7). Размеры стремян следующие: высота – 13,9-13,6 см; ширина – 12,7-14 см; ширина подножки – 3,4-3,6 см. По Г.А.Федорову-Давыдову, подобные стремени относятся к типам ДП и ДПШ (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.12-13). Такой тип стремян широко бытует в комплексах XIII-XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.16).

Султан представлен в виде прямоугольной железной пластины, плоской в сечении, с полым круглым стержнем. Крепился он с помощью бронзовых заклепок (рис.3, Б, 3). Обычай украшения сбруи боевого коня султаном не имеет широкого

распространения в древностях восточноевропейских кочевников, он прослеживается по материалам кочевников восточных регионов степей Евразии (Кызласов И.Л., 1980, с.82). В погребальных памятниках Южного Урала султаны иногда встречаются в комплексах золотоордынского времени (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис.13, 26). По материалам живописи Педжикента известно, что только конь предводителя украшался султаном (Распопова В.И., 1980, с.101).

Высокая передняя деревянная лука седла была окована листами серебра (рис.3, Б, 6). От седла также сохранились кожа и шерстяная ткань.

Комплекс вооружения. **Два дротика** с железными наконечниками. Один наконечник был сильно корродирован, другой, “штоковидный”, представлял собой свернутый из железного листа конус длиной 12,8 см, диаметром 2,1 см (рис.3, Б, 4). Наконечники дротиков были насажены на округлые в сечении древки диаметром 2,1 см. Одно древко было украшено тонким листом серебряной фольги длиной 8,9 см (рис.3, Б, 5). Длина каждого дротика была около 125 см. Они находились в кожаном чехле, древки были изготовлены из вяза.

В комплексах вооружения кочевников Южного Урала “штоковидные” наконечники встречаются в памятниках XII-XIV вв. (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис.1, 7).

Кетмень. Железный с лезвием подквадратной формы и округлой в сечении втулкой. Длина лезвия – 13,8 см, ширина – 15,0 см, толщина – 1,1 см. Втулка имеет цилиндрической формы отверстие для деревянной рукояти (рис.3, Б, 1). Такие кетмени для обработки земли были распространены в Средней Азии. Не исключено его применение в качестве боевого топора.

Железный меч находился справа от погребенного (рис.4). Он представляет собой однолезвийный прямой клинок с прямой рукоятью и брусковидным перекрестием (рис.5, 1). Меч был в деревянных ножнах, которые имели железный наконечник. Деревянные ножны сильно прикипели к окислившемуся железному клинку. На конце рукояти меча имеется железное навершие. Длина клинка от навершия рукояти до наконечника ножен включительно составляет 110 см. Длина клинка от перекрестия до наконечника ножен – 99 см. Ширина клинка в ножнах у перекрестия – 4 см. Острие клинка прямое узкое однолезвийное. Стержень рукояти прямой, его длина – 8 см, ширина – около 2 см. Деревянная обкладка рукояти крепилась с помощью железного гвоздя, расположенного в центре. Навершие рукояти уплощенно-цилиндрическое, длинное, с плоским верхом. Высота навершия – 3,5 см, диаметр – 2,2 см. Перекрестие брусковидное, пластинчатое. Состоит из двух прямоугольных

пластин. Их размеры: длина – 7 см, высота – 3 см, асимметричны. Наконечник ножен представляет собой железный цилиндр, расширяющийся книзу в виде сапожка. Высота наконечника – 4 см, диаметр – 2,4 см. Нижняя часть плоская. Внутри наконечника сохранилось дерево от ножен. Ножны и обкладка рукояти клинка были изготовлены из дуба (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.115).

Прямые однолезвийные клинки, именуемые в литературе как палаши, известны с V-VIII вв. н.э., они сосуществовали с саблями до XIII – нач.XIV в. (Крыганов А.В., 1990, с.74). Азиатское происхождение этого мощного рубяще-колющего оружия не вызывает сомнений (Засецкая И.П., 1975, с.10). У кочевников Сибири и Центральной Азии это оружие появляется еще в кон.I тыс. до н.э. и становится одной из ведущих форм их клинкового арсенала на всем протяжении средневековья (Худяков Ю.С., 1986, с.217-218). На Южном Урале прямые однолезвийные мечи известны в комплексах XIII-XIV вв. (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис.13, II; 15, 16). Важно отметить, что в монгольском языке есть два исконных термина “Чжида” и “Чжебе” для обозначения набора метательных дротиков в ножнах с палашом (Горелик М.В., 1990, с.159).

Лук сложносоставной находился справа от погребенного. Лук с одной парой срединной боковой накладкой и одной парой срединной фронтальной накладкой. Срединные боковые накладки представляли собой две костяные пластины длиной 21,2 см, шириной 2,7 см, толщиной 0,4 см. Концы пластин были скошены, а по внешней стороне нанесены косые бессистемные насечки, вероятно, для лучшего скрепления с обмоткой из коры (рис.5, 12, 13). Срединная фронтальная накладка – короткая с одним расширяющимся концом. Она состояла из двух костяных пластин длиной 12,4 см, шириной в расширяющейся части 2,6 см, в узкой части – 1,6 см, толщиной 0,3 см (рис.5, 11). На внешней поверхности расширяющегося конца накладки имеется нарезка для приклеивания. Поверх костяных накладок фрагментарно сохранилась обмотка из коры. Как показали специальные исследования под микроскопом, она состояла из бересты, на которой были обнаружены фрагменты ткани полотняного плетения (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.223). Длина лука достигала 1 м.

Судя по количеству и форме накладок, лук является разновидностью луков тюркского типа. Для монгольского времени он выглядит архаично, т.к. в этот период широко распространяется лук “монгольского типа” с одной широкой срединной фронтальной накладкой веслообразной формы (Худяков Ю.С., 1993, с.103).

Колчан. Находился слева от погребенного. Был изготовлен из тополя с корой. Судя по сохра-

нившимся частям, колчан был прямоугольной формы длиной около 50 см, шириной 10 см. Стрелы в колчане располагались остриями вверх (рис.4).

Наконечники стрел. Находились в колчане, слева от погребенного. Всего в наборе представлено семь железных черешковых наконечников (рис.5, 2-8). По форме они относятся к разным типам. Пять из них являются асимметрично-ромбическими с тупоугольным острием, пологими плечиками, упором (Худяков Ю.С., 1997, рис.29, I, 3, 10; 30, 3, 6). Шестой наконечник ланцетовидной формы (Худяков Ю.С., 1991, рис.58, 10), седьмой – пентаграммный с тупоугольным острием, пологими сторонами, покатыми плечиками, упором (Худяков Ю.С., 1991, рис.58, 2). Длина наконечников от 3,3 до 11,3 см, длина пера от 2,2 до 8,1 см, ширина пера от 1,8 до 4,7 см.

Крупные плоские асимметрично-ромбические наконечники стрел появились еще в XI в. у кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Выделяется только пентаграммный наконечник стрелы, аналогии которому известны не ранее XIII в. (Худяков Ю.С., 1991, с.118). Переход к плоским ромбическим, а затем веслообразным наконечникам был связан, очевидно, с необходимостью колоссального количества стрел для оснащения в XI-XII вв. тюркских армий, а в XII-XIV вв. – монгольских орд,ковка таких наконечников гораздо проще, нежели трехгранных (Кызласов Л.Р., 1960, с.103). В Восточную Европу эти наконечники были занесены монголами и бытовали там до нач.XV века. Такие крупные наконечники стрел обычно использовались для стрельбы по коням и не защищенным броней воинам (Медведев А.Ф., 1966, с.59).

На Южном Урале асимметрично-ромбические плоские стрелы с тупоугольным острием встречаются в комплексах XIII-XIV вв. (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис.9, 9; 10, 12; 12, 15).

Защитный доспех – кольчуга. Она была сложена в небольшой нише за головой погребенного (рис.4). Кольчуга сплетена из круглых колец диаметром 1 см, которые скреплялись между собой стык встык таким образом, что одно кольцо держало четыре кольца. Проклепанных колец обнаружить не удалось (рис.5, 9).

Этот вид защитного доспеха встречается у кочевников на всем протяжении средневековья: в раннем средневековье – у тюрков Центральной Азии и Южной Сибири (Кубарев В.Г., 2002, с.102), в XI-XIII вв. – у кыпчаков-половцев восточноевропейских степей (Плетнева С.А., 1958, с.178-179, 184; Иванов В.А., 2004, с.68). После монгольского покорения степей кольчуги продолжают встречаться в памятниках кыпчаков (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис.13, 12; Заседателева С.Н., 1988, с.15) и являются у монголов (Худяков Ю.С., 1991, с.144).

Следует отметить, что кольчуги, обнаруженные в кочевнических комплексах Южного Урала, были сплетены из круглых в сечении колец, что является несколько архаичным для техники изготовления кольчатой брони XIII-XIV вв. (Кирпичников А.Н., 1976, с.40-41).

Другой инвентарь. Часть серебряного предмета “розетка” находилась на груди под слоем шелковой обмотки (рис.4, 3). Она была отчеканена из серебра, декорирована с использованием гравировки и чернения. Розетка образована шестью полусферами. Общая высота “розетки” – 4,2 см, диаметр – 9,0 см, толщина серебряного листа – 0,1 см. Верх розетки грубо спилен, а дно представляет собой тонкий лист серебряной фольги, грубо напаянный на поддон (рис.7, 8, 2). Эти детали являются свидетельством того, что розетка является частью другого предмета, возможно, подсвечника или кубка.

Мотив цветочной розетки – шести-, семи- или восьмилепестковой – является воплощением иранских мотивов. Произведения иранских мастеров были широко известны у разных народов, они оказали сильное влияние на чеканщиков Средней Азии, Китая, Восточного Туркестана (Худяков Ю.С., Хаславская Л.М., 1990, с.122).

Техника декора серебряного изделия, где сначала был нанесен контур изображения, затем рисунок внутри был заполнен штриховыми короткими линиями, а фон покрыт точками кольцевого пуансона, находит аналогии в восточных районах Евразийских степей, в Сибири на серебряных изделиях XII-XIV вв. (Маршак Б.И., 1971, с.28-30, 80).

Широкое распространение по всей кочевой степи такие ювелирные изделия получают в золотоордынское время (Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с.183). Они встречаются в качестве даров умершим в кыпчако-половецких комплексах степей Евразии (Мажитов Н.А., 1975, рис.46, 1, 2; Даркевич В.П., 1976, табл.36, 8; Кригер В.А., 1983, рис.56, 62) и в захоронениях монгольских воинов в Средней Азии (Пугаченкова Г.А., 1967, с.256).

Железный котел с бронзовыми заклепками с остатками жертвенной пищи находился в ногах погребенного (рис.4, 9). Высота котла – около 15 см, толщина стенок – 0,3 см, диаметр по венчику – около 35 см. В стенках котла сохранились бронзовые заклепки (рис.6, 6-7). Внутри котла были обнаружены кости крупного рогатого скота и кости “неверхового” коня, части которого были зафиксированы на перекрытии (Рослякова Н.В., 2003, с.300).

Обычай помещать казаны, котлы в погребение человека был зафиксирован в XII-XIII вв. у половецкой аристократии. В золотоордынский период этот ритуал постепенно исчезает, хотя иногда помещали маленькие котелочки, мисочки или медные стаканы (Швецов М.Л., 1980, с.201).

Железные накладки. В районе талии были обнаружены фрагменты железных накладок пояса в виде сильно корродированных тройников (рис.6, 1-3) и предмет подпрямоугольной формы с выступающим штырем (рис.6, 5). Накладки имели размеры: ширина – 5,5 см, длина – 4-5 см, толщина – 0,7 см. Подпрямоугольный предмет имел длину 6,5 см, ширину 4 см, толщину 0,7 см.

Железный предмет длиной 10,5 см, шириной 1,8 см, плоский в сечении находился на правой половине грудной клетки погребенного. Назначение его неизвестно (рис.6, 8).

Бронзовая пластина подпрямоугольной формы находилась во рту погребенного. Пластина из бронзы длиной 4 см, шириной 1,2 см, толщиной 0,1 см. Возможно, она использовалась как обол. Примеры захоронения покойника с оболом во рту, которым обычно служила монета, неоднократно были зафиксированы в погребениях Казахстана, Средней Азии, Китая, Восточного Туркестана, начиная с сер.I тыс. н.э. (Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З., 1970, с.52).

Таким образом, погребальный инвентарь чрезвычайно разнообразен. Сочетание в едином комплексе защитного доспеха, оружия ближнего (меч, кетмень) и дальнего боя (дротики, лук и стрелы с крупными плоскими ромбическими наконечниками) характеризует время монгольского завоевания восточноевропейских степей и подчеркивает принадлежность погребенного к воинам-профессионалам. Снаряжение боевого коня также соответствует золотоордынскому времени. Яркий образец торевтики, учитывая местонахождение и степень целостности, возможно, является военным трофеем. В XIII-XIV вв. серебряные сосуды, выполненные в аналогичной технике декорирования, присутствовали в богатых кочевнических комплексах степей Евразии.

Следует отметить, что наличие котла, кольчуги, меча подтверждает высокий статус погребенного. Захоронение коней, богатство конской упряжи (наличие султана для кисти, отделка серебром седла и украшений передних копыт коня) также можно рассматривать в качестве признака социального престижа, принадлежности погребенного к “верхушке племени” (Беленицкий А.М., 1978, с.37).

Анализ погребального обряда. Обряд захоронения человека головой на восток в сопровождении частей коня является характерной чертой тюркских кочевнических погребений (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.128).

Такой признак как сочетание восточной ориентировки человека и восточной ориентировки сопровождающего его коня был выделен в качестве наиболее характерной черты половецких захоронений южнорусских степей XII – нач.XIII в. (Плетнева С.А., 1981, с.218). Отчленение передних и задних конеч-

ностей коня по локтевые и коленные суставы также было характерно для половецкого погребального обряда (Атавин А.Г., 1984, с.139-140). В Волго-Уралье погребения XII – нач.XIII в. с восточной ориентировкой локализуются по рекам Большой и Малый Узень, по притокам р.Урал (Иванов В.А., 2004, с.67). Почти все погребения всаднические, принадлежат мужчинам-воинам (Новая Казанка, курган 4; Джангала I, курган 1; Кара-Оба, курган 2; Озеро Раим, курган 1; Лебедевка VII; Шалкар IV, курган 4). Известно только одно погребение, судя по инвентарю, женское (Кара-Оба, курган 12).

Исследование вопросов изменений погребального обряда половецко-кыпчакского населения под влиянием монгольского нашествия выявило сохранение тюркских элементов обрядности и в золотоордынское время (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.151; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.51-54). Это подтверждается материалами археологических исследований в разных частях евразийской степи. Впускное погребение XIII-XIV вв. с восточной ориентировкой, ямой с подбоем и захоронением частей коня, саблей, нагайкой было изучено в могильнике Харинка в Ростовской области (Атавин А.Г., Каменецкий И.С., 2002, с.276-277). Яркие погребения XII-XIV вв. с восточной ориентировкой, захоронением коней, наличием котла и богатым комплексом вооружения, куда входили кольчуги, поножи, шлемы, сабли, были исследованы на Кубани (Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003, с.202-203, 206-207).

На Южном Урале было исследовано всего несколько погребений золотоордынского времени с восточной ориентировкой и костями коня (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.48-49). Сложное внутримогильное устройство (наличие подбоя и ступенек) сочетается с захоронением частей коня (Новый Кумак, курган 14) или целого остова коня (Лебедевка VIII, курган 6). Вещевой комплекс представлен наборами вооружения (сабля, стрелы, накладки лука) и предметами конской упряжи (стремена, удила). Проведенные исследования всех типов средневековых погребений Южного Приуралья установили, что здесь погребения с восточной ориентировкой и костями коня встречаются не позднее 1-й пол.XIV в. (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с.51-52). Шумаевское погребение выделяется наличием подбоя с небольшой нишей, устроенной за головой погребенного, а также сопровождением захоронения частями двух коней, более разнообразным набором вооружения, наличием кетменя, обрядом бальзамирования, зафиксированного впервые у кочевников степей Евразии.

Бальзамирование – один из способов мумифицирования (от греч. бальзам) – предохранение тела умершего от разложения пропитыванием его

тканей особыми противогнилостными и консервирующими веществами. Впервые, вероятно, применено в Египте, во времена IV династии (сер.V тыс. до н.э.) (Смирнов Ю.А., 1997, с.152).

Ртуть – серебристый металл, который обладает сильными антисептическими, противогнилостными свойствами. В настоящее время он применяется в химической, машиностроительной промышленности, медицине (Мельников С.М., 1971, с.52).

Единственная руда для получения ртути – киноварь – используется также для приготовления красной краски. Месторождения киновари известны в Донбассе, Киргизии, Закарпатье, Западной Сибири, Туве, Кузнецком Алатау, Якутии, Магаданской области, на Чукотке, Северном Кавказе, а также на территории Китая, Югославии, Италии, Испании, Мексики, США (Музафаров В.Г., 1979, с.83). В Оренбуржье киноварь встречается на востоке области в медно-колчедановых рудных районах и на западе – в среднем течении р.Сакмары, в бассейнах рек Большого Ика и Касмарки (Мусихин Г.Д., 1996, с.24).

Таким образом, природные месторождения киновари имеют широкое распространение. Способ получения ртути представляет собой достаточно сложный, целенаправленный процесс: ртуть образуется при окислении киновари в сульфат и разложении последнего при вулканических извержениях (редко), гидротермальным путем (выделяется из водных растворов) (Большая Советская Энциклопедия, 1975, с.334).

Ртуть была известна за 2000 лет до н.э. народам Древней Индии и Древнего Китая. Ими же, а также греками и римлянами киноварь применялась как краска, лекарственное и косметическое средство (Большая Советская Энциклопедия, 1975, с.333). Последние исследования доказали, что и в пазырыкском обществе использовали красящие и антисептические свойства ртути (Полосьмак Н.В. 2001, с.252).

Использование ртути для бальзамирования, безусловно, свидетельствует о том, что группа людей, совершивших данный обряд, обладала прекрасными знаниями об анатомии, антисептических свойствах ртути и о возможности их применения в погребальной практике, которая раньше была распространена только на территории Восточной Азии.

Известно по археологическим материалам использование ртути для сохранения тела человека после его смерти в пазырыкской культуре (VI-III вв. до н.э.), в Китае (нач.II в. до н.э.). “Пазырыкцы” использовали соединение ртути для покрытия всего тела или отдельных его частей: через многочисленные разрезы в телах мужчин и женщин пазырыкской культуры удаляли мышцы и вводили ртуть

(Полосьмак Н.В., 2001, с.250). В Китае тело женщины из могильника Мавадай-1 было погружено в раствор, содержащий сернистые соединения ртути (Полосьмак Н.В., 2001, с.251-252).

В письменных источниках есть сведения о применении ртути в погребальных ритуалах при захоронении некоторых монгольских князей, приверженцев шаманской мифологии с элементами буддизма (начало нашей эры). Так, в некоторых случаях при погребении монгольского князя вместе с ним хоронили несколько самых красивых детей обоего пола. Детей заставляли глотать ртуть до тех пор, пока они не умрут; "... в таком случае, как утверждают монголы, они не теряют своего натурального цвета лица и кажутся как бы живыми" (Кастанье И.А., 1905, с.184).

Таким образом, знания о сильных антисептических свойствах ртути стали применяться для сохранения останков умерших людей еще с сер. I тыс. до н.э. на территории Восточной Азии. На других территориях для бальзамирования тел покойных ртуть как консервант не использовали. Археологических данных о распространении практики использования ртути для бальзамирования в эпоху средневековья нам не известно.

Следует обратить внимание и на разные причины, лежащие в основе обрядов сохранения тела. Известны примеры бальзамирования, связанные с мифологическими представлениями людей: сохранение внешнего облика тела для последующего воскрешения (бальзамирование фараонов в Египте) (Рубенштейн Р.И., 1966, с.64; Перепелкин Ю.Я., 1988, с.382).

Бальзамирование тел умерших людей могло осуществляться с целью их сохранения до определенного периода захоронения (бальзамирование скифских и пазырыкских царей) (Геродот, 2003, с.52-55; Руденко С.И., 1960, с.329).

Также бальзамирование использовалось как средство сохранения останков людей, погибших вдали от родины или от места, где, как считал определенный коллектив людей, они должны были быть захоронены. Это случаи бальзамирования библейских героев: отца Иосифа и самого Иосифа (Полосьмак Н.В., 2001, с.253).

Уникальный случай сохранения останков с помощью ртути в степях Южного Урала, вероятно, был связан с необходимостью доставки остан-

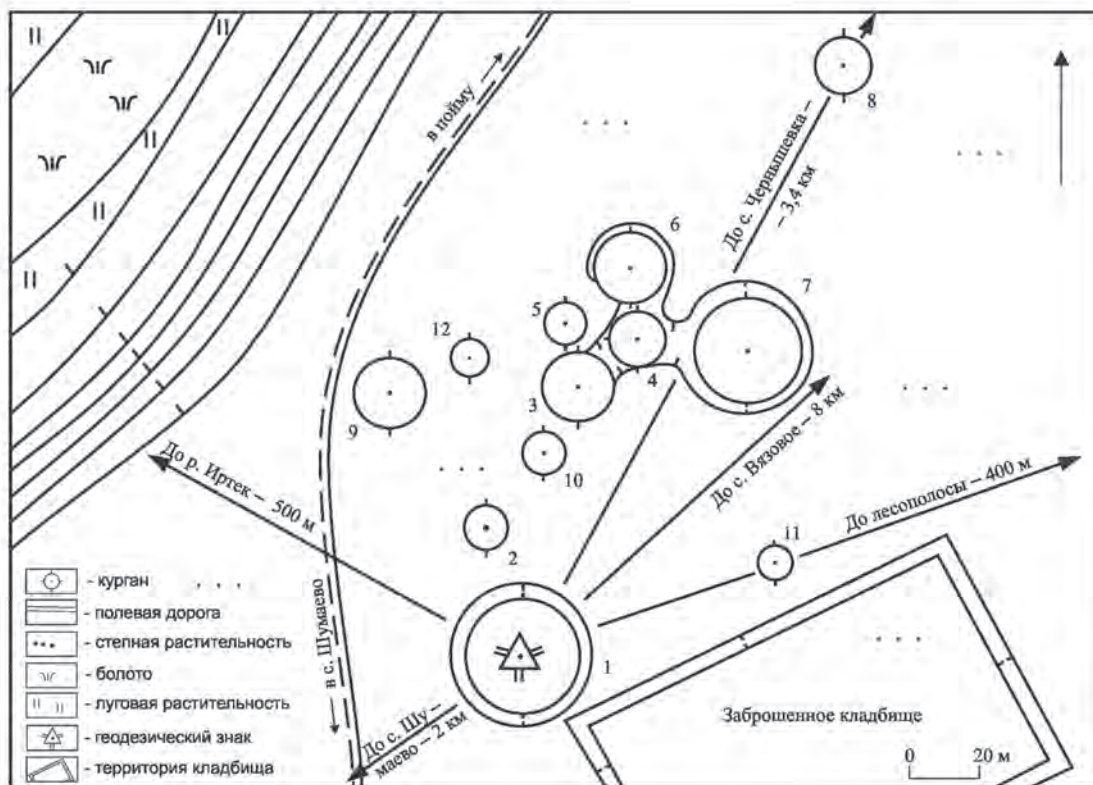
ков погребенного в другой, отдаленный от места смерти пункт. Возможно подобные обстоятельства смерти, которые описываются в арабском рассказе Табари и Нершахи, побудили снять мягкие ткани и забальзамировать тело воина-предводителя из шумаевского погребения. Так, авторы рассказа сообщают об убийстве в 739 г от Рождества Христова в Самарканде бухар-худата и о погребении его не на месте кончины – в чужом городе, а о перенесении останков в родной город – Бухару. Как сообщается, между Самаркандом и Бухарой арабы считали шесть или семь дней пути, а так как событие произошло в жаркое время года, то и такое число дней могло иметь значение, поэтому в палатку бухар-худата вошли "чакиры" убитого, т.е. его слуги или телохранители, по всей вероятности благородного происхождения, и сняли мягкие ткани с убитого (Бартольд В.В., 1915, с.15, 16).

Важно отметить, что такие элементы погребальных обрядов как очищение костей от мяса и устройство костехранилищ, использование алебастровой обмазки, наложение глины на череп связаны с первобытными верованиями ираноязычных народов Средней и Передней Азии. Некоторые из этих элементов были восприняты тюркским населением Средней Азии в раннем средневековье, о чем свидетельствуют находки костехранилищ в Северной Киргизии (Раппопорт Ю.А., 1971, с.19, 36).

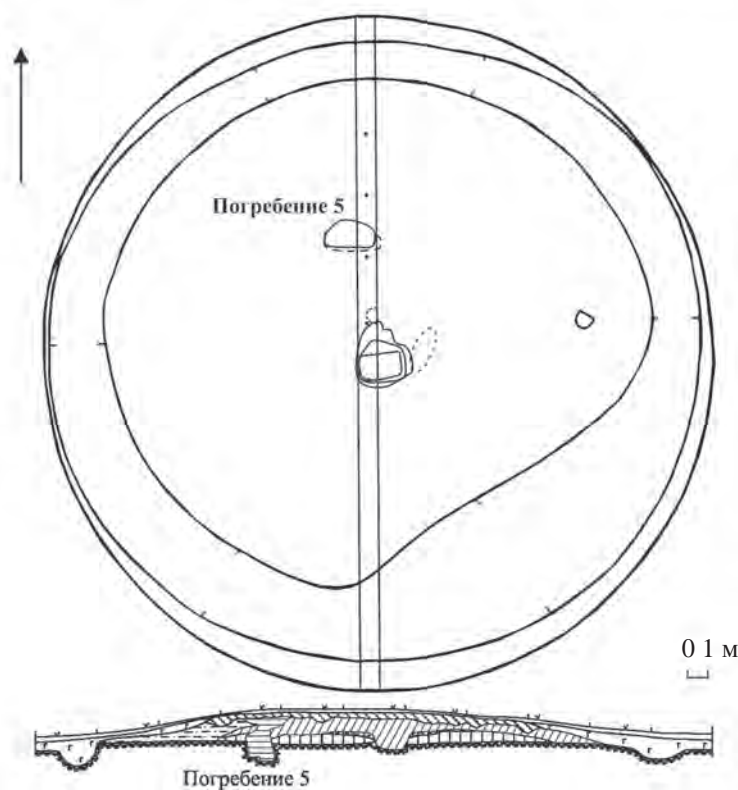
* * *

Таким образом, шумаевское погребение представляет собой захоронение тюркского богатого и знатного воина-профессионала, вероятно, военного предводителя XIII-XIV веков. По-видимому, оно отражает сложное переплетение элементов материальной и духовной культуры оседлых народов Восточной и Средней Азии и кочевников-тюрков.

В целом, широкое культурное взаимовлияние города и степи было характерной чертой золотоордынского периода. Объединение в рамках одного государства (Золотой Орды) достижений оседлой и кочевой культуры, вероятно, и объясняет появление погребения с яркими элементами кочевничества и приемами бальзамирования, знания о которых являются показателями высокого уровня развития медицины, характерного для городских центров.



А



Б

Рис. 2. А – план Шумаевского II курганного могильника; Б – общий план и западный профиль бровки кургана 7

Fig. 2. А – the layout of Shumaievskii II barrow burial ground; Б – the general layout of barrow 7 and the western cross-section of the barrow edge

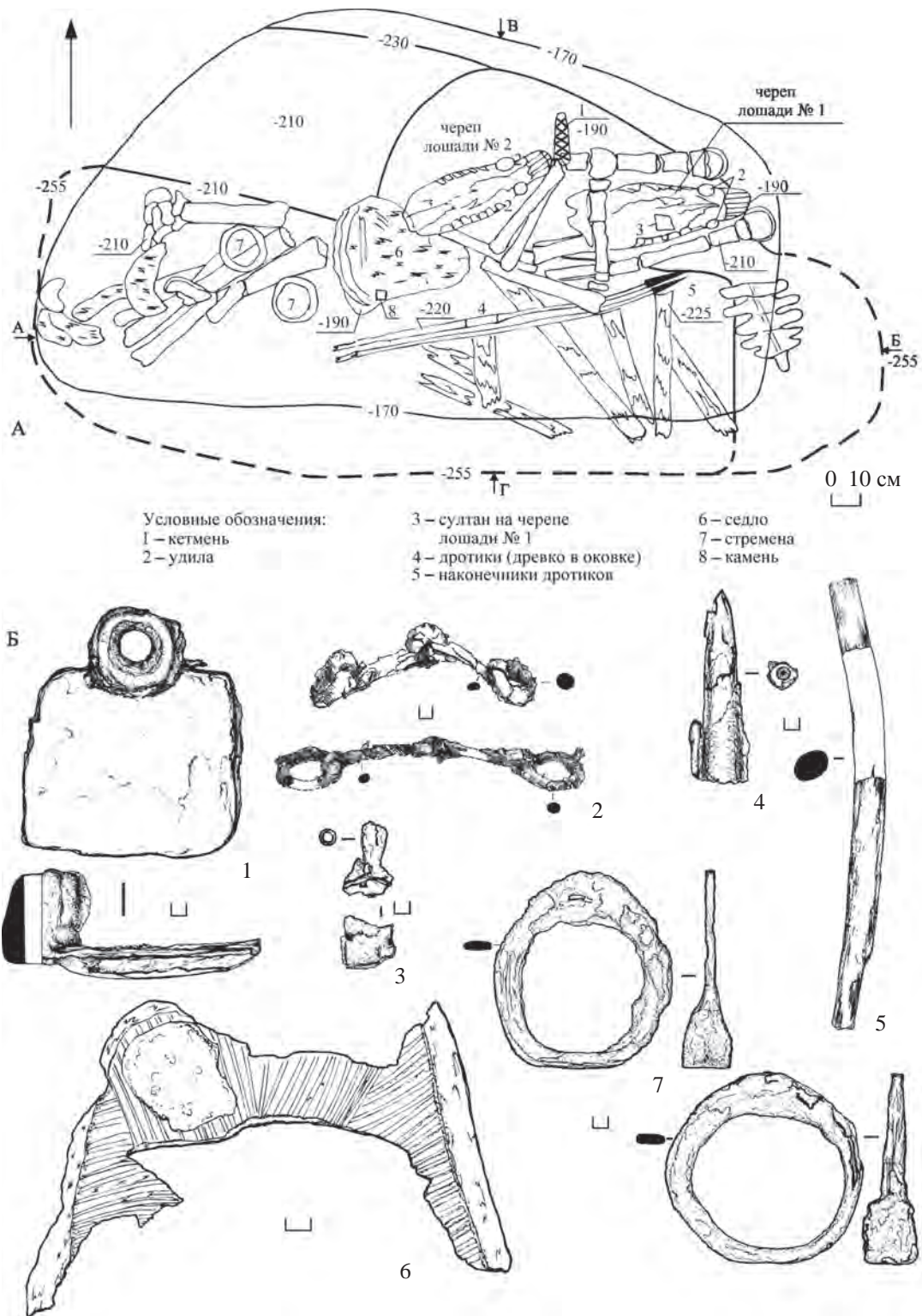
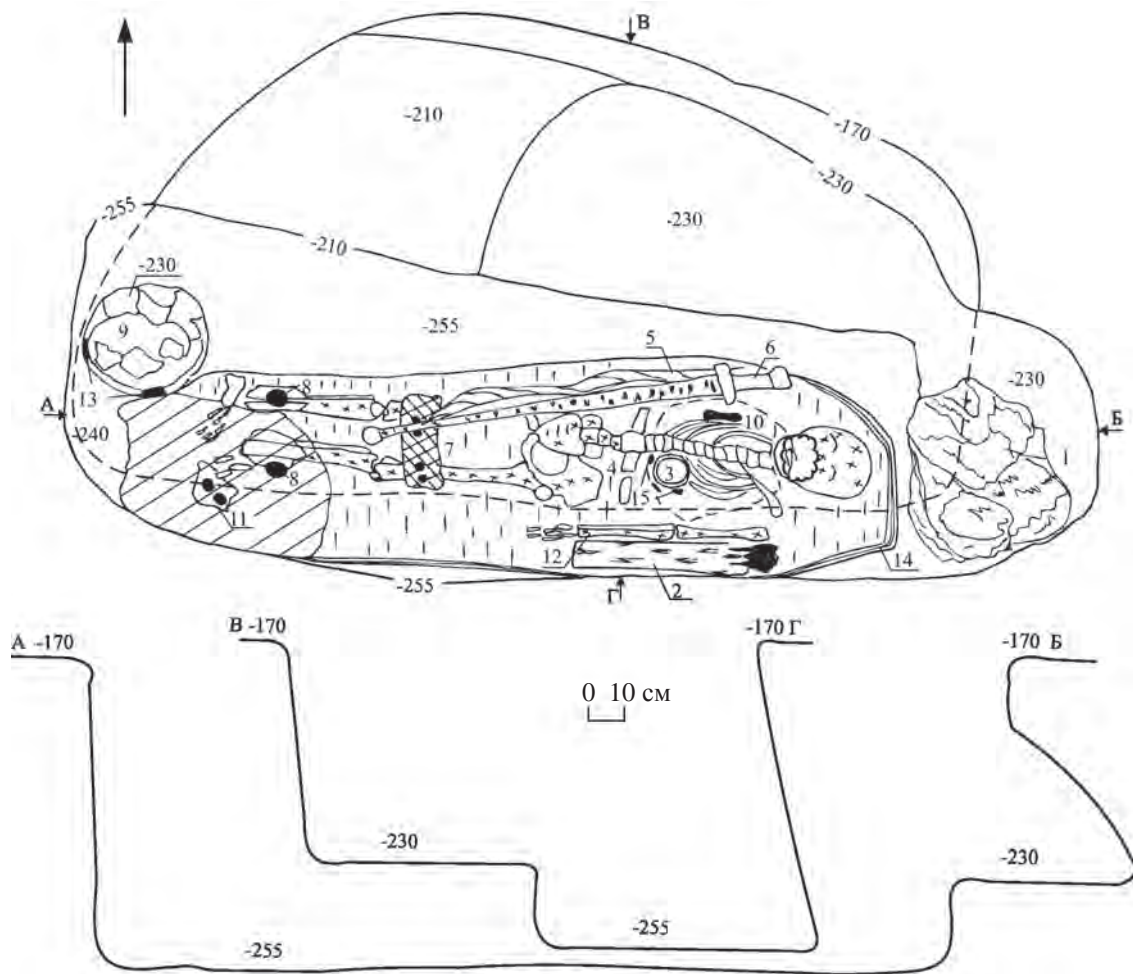


Рис. 3. А – план погребения на уровне перекрытия; Б – инвентарь, расположенный на перекрытии: 1 – железный кетмень; 2 – железные удила; 3 – железный султан; 4 – железный наконечник дротика; 5 – древко дротика с серебряной оковкой; 6 – деревянная лука седла с серебряной оковкой; 7 – стремена
 Fig. 3. The burial layout at the roof level. The inventory located on the roof: 1 – an iron ketmen'; 2 – an iron bit; 3 – an iron sultan; 4 – an iron point of a dart; 5 – a shaft of a dart with silver binding; 6 – a wooden saddle arch with silver binding; 7 – stirrups



Условные обозначения:

- деревянные носилки
- алебастровая обмазка
- красная обмазка костей
- граница обмазки
- грудной клетки и нижней части лица
- границы материи белого цвета
- береста
- кожанно-тканевая накладка в районе коленей

- 1 - железная кольчуга
- 2 - берестяной колчан
- 3 - серебряная чаша
- 4 - железные накладки с пояса
- 5 - лук
- 6 - железный меч
- 7 - шелковая ткань с бронзовыми заклепками
- 8 - кожа с бронзовой бляхой
- 9 - железный котел
- 10 - железный предмет
- 11 - кожаный предмет с бронзовыми бляхами
- 12 - шелк на запястье правой руки
- 13 - бронзовые заклепки в стенках котла
- 14 - бортик носилок
- 15 - железные предметы вокруг чаши

Рис. 4. План погребения 5
Fig. 4. The layout of burial 5

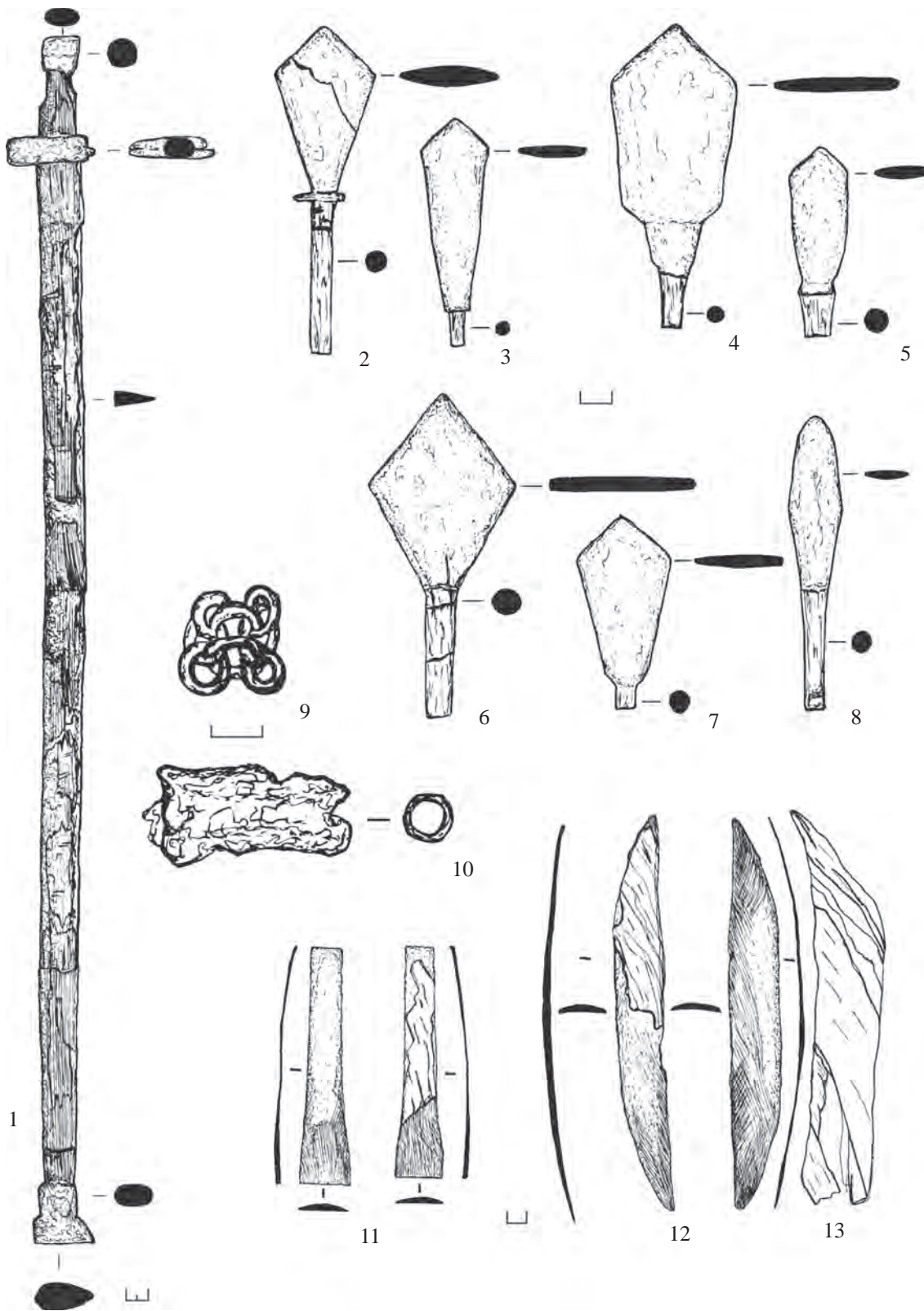


Рис. 5. Инвентарь погребения: 1 – железный меч; 2-8 – железные наконечники стрел; 9-10 – фрагменты железной кольчуги; 11-12 – костяные накладки лука; 13 – берестяная обмотка лука
 Fig. 5. The stock of the burial: 1 – an iron sword; 2-8 – iron arrowheads; 9-10 – fragments of an iron chain armour; 11-12 – bone overlays of a bow; 13 – a berestian coil of a bow

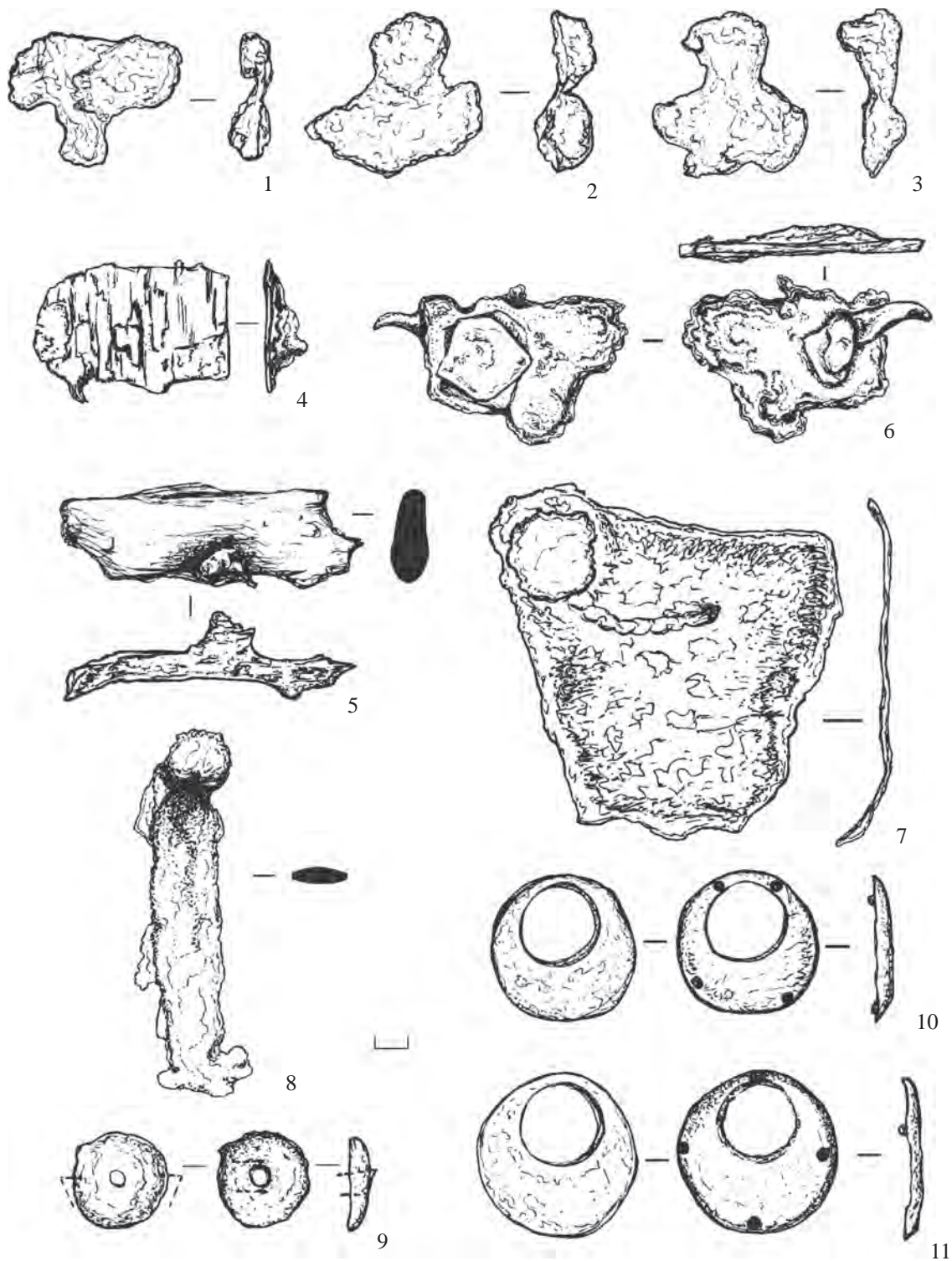


Рис. 6. Инвентарь погребения: 1-4 – железные накладки; 5 – железный предмет со штырем; 6-7 – фрагменты железного котла с бронзовыми заклепками; 8 – железный предмет, находившийся на груди погребенного; 9 – бронзовая заклепка с накладкой над коленями; 10, 11 – бронзовые бляхи с накладкой на голени

Fig. 6. The inventory of the burial: 1-4 – iron overlays; 5 – an iron object with a dowel; 6-7 – fragments of an iron cauldron with bronze rivets; 8 – an iron object placed on the breast of the dead; 9 – a bronze rivet from an overlay for knees; 10-11 – bronze plates from overlays on shanks

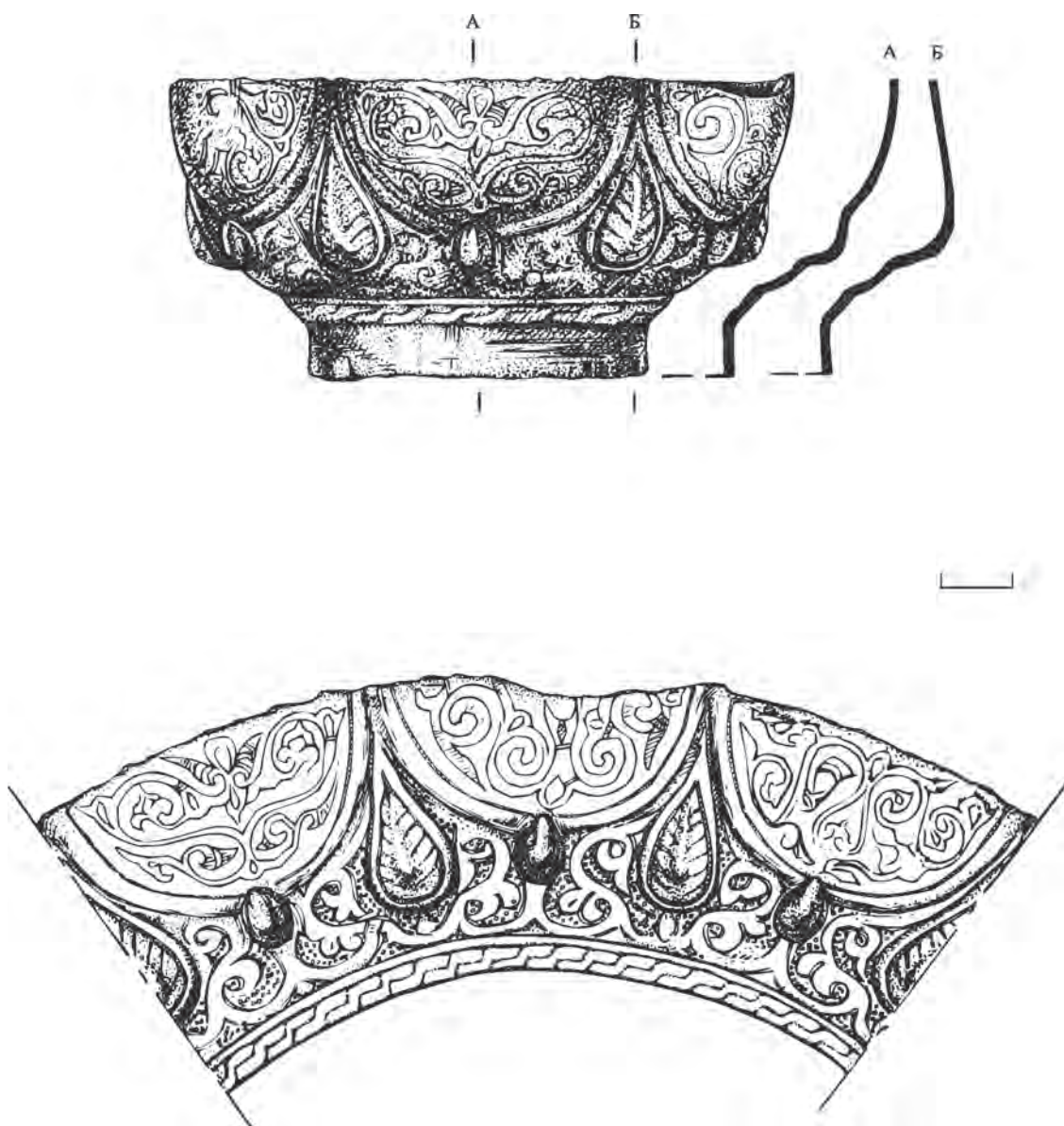


Рис. 7. Инвентарь погребения: часть серебряного предмета “розетка”
Fig. 7. The inventory of the burial: a part of a silver “rosette” object



Рис. 8. Погребение 5: 1 – голова погребенного; 2 – часть серебряного предмета “розетка”
Fig. 8. Burial 5: 1 – the head of the dead; 2 – a part of a silver “rosette” object

Литература и архивные материалы

- Атавин А.Г.**, 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. № 1.
- Атавин А.Г., Каменецкий И.С.**, 2002. Харинка: Средневековый слой// Нижневолжский археологический вестник. Вып.5. Волгоград.
- Бартольд В.В.**, 1915. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. СПб.
- Беленицкий А.М.**, 1978. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье// КСИА. Вып.154.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С.**, 2003. Средневековые рыцари Кубани// Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
- Большая Советская Энциклопедия** (в 30 томах), 1975. Т.22. Ремень-Сафи. М.
- Геродот**, 2003. Страна скифов. Алматы.
- Горелик М.В.**, 1990. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов)// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и центральной Азии. Новосибирск.
- Даркевич В.П.**, 1976. Художественный металл Востока VII-XIII вв. М.
- Заседателева С.Н.**, 1988. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1988 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 13345.
- Засецкая И.П.**, 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.
- Иванов В.А.**, 2004. Этнокультурная карта Южного Урала в предмонгольский период (вторая половина XI – начало XIII вв.)// Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск.
- Иванов В.А., Кригер В.А.**, 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XIII-XIV вв.). М.
- Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З.**, 1970. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола// По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Кастанье И.А.**, 1905. Погребальные обряды и калмыковъ и ламаитовъ вообще// Тр.ОУАК. Вып.XIV. Оренбург.
- Кирпичников А.Н.**, 1976. Военное дело на Руси в XIII-XIV вв. Л.
- Кригер В.А.**, 1983. Отчет об археологических исследованиях на территории Волгоградской области в 1982 году// Фонды ВОКМ. № 70. Волгоград.
- Крыганов А.В.**, 1990. Азиатские элементы в вооружение раннесредневековых восточно-европейских кочевников// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Кубарев В.Г.**, 2002. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-СÖÖКА// Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Кызласов Л.Р.**, 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности// СА. № 3.
- Кызласов И.Л.**, 1980. Кыпчаки и восстания Енисейских племен в XIII в.// СА. № 2.
- Маршак Б.И.**, 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.
- Мажитов Н.А.**, 1975. Отчет об археологических раскопках на территории Оренбургской области в 1974 году// Архив музея археологии и этнографии УНЦ РАН. Уфа.
- Медведев А.Ф.**, 1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе// СА. № 2.
- Мельников С.М.**, 1971. Металлургия ртути. М.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.**, 2003. Шумаевские курганы. Оренбург.
- Музафаров В.Г.**, 1979. Определитель минералов, горных пород и окаменелостей. М.
- Мусихин Г.Д.**, 1996. Минералы Оренбургской области. Екатеринбург.
- Перепелкин Ю.Я.**, 1988. Старое царство (большая часть III тыс. до н.э. – III-VIII династии)// История Древнего Востока. Часть вторая. М.
- Плетнева С.А.**, 1958. Печенег, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
- Плетнева С.А.**, 1981. Печенег, торки, половцы// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Полосьмак Н.В.**, 2001. Всадники Уюка. Новосибирск.
- Пугаченкова Г.А.**, 1967. Погребение монгольского времени в Халчаяне// СА. № 2.
- Раппопорт Ю.А.**, 1971. Из истории религии древнего Хорезма. М.
- Распопова В.И.**, 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Рослякова Н.В.**, 2003. Костные останки животных из I и II Шумаевских курганных могильников//

- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург.
- Рубенштейн Р.И.**, 1966. Загадки пирамид. Страницы истории искусств. М.
- Руденко С.И.**, 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Смирнов Ю.А.**, 1997. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. Исследования, тесты, словарь. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
- Худяков Ю.С.**, 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Худяков Ю.С.**, 1991. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.
- Худяков Ю.С.**, 1993. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии// Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Худяков Ю.С.**, 1997. Вооружение кочевников Южной Сибири и центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Хаславская Л.М.** 1990. Иранские мотивы в средневековой тюркитике Южной Сибири// Семантика древних образов. Новосибирск.
- Швецов М.Л.**, 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников// СА. № 2.

Summary

I.V.Matiushko (Orenburg, Russia)

BURIAL OF EMBALMED WARRIOR OF 13th-14th CENTURIES ON LEFT BANK OF IRTEK RIVER

In 2002 at the excavation of Shumaievskii II barrow burial ground located on the left bank of the Irtek river (the right inflow of the Ural river) a group of the Orenburg archeological expedition headed by N.L.Morgunova explored a burial of an embalmed warrior. The burial is a rich inhumation of the Turkic professional warrior, possibly a military leader of the 13th-14th cc., whose mortal remains they tried to conserve with the help of mercury to deliver them to some place remote from the place of death. As the pathologic-anatomic examination has shown soft tissues had been removed from the warrior's body and a clay coating containing mercury had been applied to his arms and legs bones. The head and the breast of the dead were wrapped in several layers of silk fabric. A similar clay coating containing mercury was applied on the head over the fabric. The technique of embalming using mercury and the presence of the alabaster coating reveal the connection of this burial with a group of people of the town settled center, probably located in Eastern Asia.

The funeral inventory is extremely varied. The combination of protective armour, the weapon of close (a sword, a ketmen') and distant combat (darts, a bow, arrows with large flat rhombic arrowheads) in one complex displays the time of the Mongolian conquest of the East European steppes and emphasizes relation of the dead to military professionals. The equipment of a fighting horse also corresponds to the Golden Horde time. A bright sample of turetics is obviously a military trophy considering its location and the degree of its integrity. In the 13th-14th cc. silver vessels made using a similar decoration technique are present in rich nomads' complexes of Eurasia steppes.

Occurrence of a burial with bright nomadic elements and embalming technique can result from the interaction of town and nomadic cultures in the Golden Horde.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2005 г